«Простит ли нас Земля? Чернобыль в сердце каждого»

«Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала не третью часть рек, на источники вод. Имя сей звезде полынь"; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горькими. (Откровения св. Иоанна Богослова).

Выступление священнослужителя.

Чтец: Как тревожен закат!
Как печальна земля!
На могилах ребят не шумят тополя –
На могилах холодный суровый гранит
Справа лес подмосковный уныло стоит.
Это наша беда, а не наша вина!
Нашу боль не залечит и время.
А над Митинским полем кричит тишина:
"Здесь лежит опаленное племя".
Перед памятью павших, перед совестью нашей,
Перед этой землей мы честны,
Нам весь век будут сниться по усталым больницам
В респираторах лица - невеселые сны…
На могильной плите – алой кровью цветок,
Был в сплошной темноте – враг незрим и жесток.
Две шеренги застыли, не движется строй.
Вот такими, как были, вы и приняли бой.
Перед памятью павших, перед совестью нашей,
Перед нашей землей мы честны.

Ведущий: Много лет прошло с того дня, как 26 апреля 1986 года весь мир облетела весть об аварии на 4 блоке Чернобыльской Атомной станции. Много лет эта трагедия поднимает все новые и новые вопросы, на которые однозначно никто не может ответить по сей день. Но очевидно то, что это не только трагедия украинского и белорусского народов, а трагедия всего человечества.

В одну минуту мы вдруг поняли, что скорости и техника XX века сжали пространство, спрессовали все наши проблемы. Все увидели, что мир стал таким маленьким, а наша общая планета Земля такой хрупкой.

Прошло более двух десятков лет. Чернобыль уже стал метафорой, символом. И даже историей. Написаны десятки книг, сняты тысячи метров видеопленки. Нам кажется, что мы знаем о Чернобыле все: факты, цифры. Что можно к этому добавить? Ведь это так естественно, что люди хотят забыть Чернобыль, убедив себя, что это уже позади.

Роман Светланы Алексиевич “Чернобыльская молитва”. О чем эта книга? Почему она написана? Вот что говорит ее автор:

Чтец: “Эта книга не о Чернобыле, а о мире Чернобыля. Как раз о том, о чем нам мало известно. Почти ничего. Пропущенная история, – я бы так ее назвала. Меня интересовало не само событие, а ощущение, чувства людей, прикоснувшихся к неведомому. К тайне.

Чернобыль — тайна, которую нам еще предстоит разгадать. Может быть, это задача XXI века”.

Ведущий: Светлана Алексиевич сама такой же свидетель, как и ее герои. Ее жизнь тоже часть события, ведь она живет на Чернобыльской земле, в маленькой Белоруссии, о которой мир раньше и не знал, в стране, о которой сейчас говорят, что это уже не земля, а чернобыльская лаборатория.

Три года Светлана ездила и расспрашивала всех, от ученного до верующего, всех, кто хоть как-то прикоснулся к Чернобылю. Всё внутри этих людей отравлено Чернобылем, а не только вода и земля.

Эту трагедию нельзя вычеркнуть из нашей истории, нашей памяти… Я хочу, чтобы вы навсегда запомнили имена людей, которые в мирное время стали героями и отдали свои жизни за жизни других людей.

Попробуем, насколько это возможно, вспомнить события той трагической ночи 26 апреля 1986 года буквально по минутам. Итак, ночь с 25 на 26 апреля.

Чтец: 1. *1 час 23 минуты 43 секунды.* Точное время взрыва определилось не сразу, ведь люди смотрели на свои часы, а те показывали по-своему. Дежурство по пожарной охране АЭС нес караул. Примерно в 1ч. 23 минуты последовали два взрыва, над блоком взлетели какие-то горящие куски, искры. Начался пожар. Пожарные только успели натянуть робы и бросились к своим постам. Стало ясно: это не просто пожарная тревога, это сигнал тревоги № 3. К месту пожара уже спешили все пожарные машины Киевской области.

1 час 30 минут. К станции подъехала машина Виктора Правика. Он организовал тушение пожара на кровле машинного зала. Как позже выяснилось – это было единственное верное решение. Благодаря ему и удалось предотвратить распространение пожара.

1 час 46 минут. На место пожара прибыл майор Леонид Телятников. Это был последний день его отпуска. 12 мая, уже в Московской клинике, он напишет: “Все делали бегом. Время воистину не ждало. С покрытия спустился Правик, доложил обстановку, с ним еще семь человек. Им было плохо. Личный состав работал добросовестно, не нужно ни уговаривать, ни дважды повторять команду, понимали с полуслова”.

3 часа 22 минуты. До 4 утра была проведена замена людей на боевых участках, машины скорой помощи начали увозить тех, кто получил сильное отравление и имел признак облучения.

6 часов 35 минут. Пожар полностью и везде ликвидирован.

Просмотр фрагмента документального фильма о Чернобыле "Первые часы после катастрофы".

Ведущий: Говорят, что у нас нет людей, способных на подвиг, а оказывается, что они живут рядом с нами и беда называет их имена…

Их было 28 пожарников Чернобыля, которые приняли в ночь с 25 на 26 апреля 1986г первый, самый жестокий удар на 4 блоке атомной станции. Сегодня мы их называем "шеренгой № 1". Никто из этой шеренги не отступил перед лицом опасности. И каждый достоин того, чтобы о нем написали книгу. Но сегодня мы узнаем только некоторых.

Зажигаются свечи, играет тихая музыка.

Чтец: Кибенок Виктор Михайлович. Из личного дела."Начальник караула, лейтенант, 1963 года рождения. С детства мечтал стать пожарником, как его дед и отец. По характеру - добрый , честный, за то его любили и уважали в части. В свободное время занимался спортом, создал кружок художественной самодеятельности". Через две недели после аварии 23-летний красивый парень, офицер Виктор Кибенок, умер в Московской больнице. Так и не увидел молодой отец своего первенца, какого родила ему жена Татьяна. Теперь о Викторе и его друзьях говорят: был. Был добрым, честным, смелым, любил семью, много шутил. Его любимая поговорка: "Держитесь ближе к жизни, ребята".

Чтец: Правик Владимир Павлович. Из личного дела: "Начальник караула по охране Чернобыльской АЭС г. Припяти, лейтенант Правик Владимир Павлович, 1962 года рождения. Родился и жил в Чернобыле, украинец, 4 года возглавлял караул". Неполных 24. Неполная жизнь, неполная семья без него. Как мало, как больно думать, чувствовать, что не исполнилось, что не сделалось, а только думалось и только снилось.

Чтец: Владимир сформулировал свое понимание подвига: "Жить на пределе – значит жить всерьез". Жить и бороться за пределом возможного – это, наверное, и есть подвиг. Всего три слова – "иду в разведку". Но они поделили жизнь этого парня надвое. Он шагнул за барьер, за предел, откуда простая человеческая судьба берет новое начало – бессмертие.

Предстояло преодолеть 70 метров. Он, как никто другой, в эту минуту понимал, что необходимо предельно точно уяснить, что же произошло. О себе речь не шла: "Свою дозу я уже взял", но если реактор разрушен, то надо, чтобы об этом знали те, кто внизу. Увидев мерцающие осколки, вокруг которых пузырился и тек битум, Правик понял – графит. Радиоактивный, раскаленный. Правик заглянул в разлом. Оттуда исходило зловещее зеленоватое свечение.

Чтец: Специалисты утверждают, что на кончике зажженной сигареты температура около 800 градусов, но лишь в крошечном эпицентре огонька, а следы от ожога сигаретой не сходят иной раз всю жизнь. А теперь представьте, что значит взять в руки огнедышащий осколок графита,

температура которого превышала 1200 градусов! И не просто взять в руки, а поднести к краю здания, сбросить с крыши. Что думал в эти мгновения Правик? Об этом мы никогда не узнаем. Но известно точно: он наклонился и выдернул из вязкого, пузырящегося битума первый осколок…второй… Вот они, мгновенья подвига.

Чтец: Письмо Володи Правика жене. “Здравствуйте, мои дорогие, хорошие Наденька и Наташка! С большим приветом к вам ваш курортник и лодырь. Это потому что я отлыниваю от воспитания нашей дочери-крошки. Живу я хорошо. Поселили нас в институте – клинике для осмотра. Здесь все, кто был тогда, так что мне весело, ведь мой караул весь при мне. Ходим, гуляем, по вечерам любуемся вечерней Москвой. Одно плохо, что любоваться приходится из окна. И, наверное, месяца на полтора, два. Надя, ты читаешь это письмо и плачешь. Не надо, утри слезки. Все обошлось хорошо. Мы еще до ста лет доживем. И дочурка наша ненаглядная нас перерастет раза в три. Я по вам очень соскучился. Закрою глаза и вижу Надю с Наташей. Сейчас у меня здесь мама, примчалась. Она вам сообщит, как я себя чувствую. А чувствую я себя хорошо. На этом буду заканчивать. Не волнуйтесь. Ждите с победой. Надя, береги дочурку. Крепко обнимаю, целую. Твой навеки Володя.

Чтец: Десятого мая Володя еще жил, но к вечеру ему стало хуже. Мама вдруг услышала: “Прощаемся, мама”. Он уходил с таким же достоинством, с каким прожил ее. Ни стона, ни крика. Спустя год на Митинское кладбище приедет весь его караул. Утро будет неожиданно холодным и ветренным. Сотни людей придут к его могиле, к могилам Кибенок, Игнатенко, Ващука, Тишуры, Титенко. И все увидят, как маленькая девочка, лет 4-х, выйдет из молчаливого кольца людей и положит на его могилу крохотный букетик.

Ведущий: Указом Президиума Верховного Совета Советского Союза присуждено Правику Владимиру Павловичу и Кибенок Виктору Михайловичу за мужество, героизм и самоотдачу, проявленные во время ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Минута молчания.

Ведущий: Авария на Чернобыльской АЭС послужила причиной радиоактивного загрязнения значительной части территории Брянской и смежных областей. Большинство населённых пунктов в юго-западных районах области находятся под воздействием изотопов йода, цезия. После Чернобыльской аварии на радиоактивно загрязнённой области оказалось 27 административных района, 1385 населённых пунктов. Общая площадь загрязнения радиоактивными элементами составляла 11 868 км, на котором проживало 0,5 млн. чел. БО является наиболее пострадавшей из 14 регионов России, в той или иной форме подвергшихся воздействию чернобыльской аварии. В зоне жесткого радиационного контроля проживало 112 тысяч россиян. На долю Брянщины пришлось 64% радиационного выброса, обрушившегося на Россию.

Чернобыльская катастрофа нанесла серьезный ущерб экономике нашей области, изменила привычный уклад жизни тысяч Брянцев.

Все это станет когда-либо нашей историей. Между тем сами чернобыльские события уже стали ею. Все, кто пережил это время, хорошо помнят, как трудно было тогда отличить правду от лжи. Вся ли правда сказана? Об этом подробно написано в книге Анатолия Фомича Войстроченко «Как это было. Чернобыль и Брянщина».

Эту книгу он посвятил непосредственным участникам спасения самого дорогого, что у нас есть – людей и земли-кормилицы.

Анатолий Фомич и примеры героизма построил на этих главных ценностях. Его земляк, уроженец унечской земли, комсорг 4 блока ЧАЭС Анатолий Кургуз ценою собственной жизни спасал смену, дежурившую в ту страшную ночь.

Свидетельствует Елена Кургуз, 1988 год:

Чтец: "Ну что рассказать о муже? Трудное это дело, особенно сейчас, когда его уже нет в живых. А память так много хранит.

Был Анатолий человеком обыкновенным. Радовался, когда получили квартиру. Как раз тогда у нас родилась дочка. Он очень любил детей. А когда появился на свет сын, то его восторгу не было конца. Анатолий увлекался рыбалкой, играл на гитаре. В ту весну мы часто всей семьей ходили на Припять. Он сидел на берегу с удочками, мы с детьми отдыхали на свежем воздухе.

Последний перед аварией на станции день был тоже, в общем-то, обыкновенным. С ночной смены Толя пришел в девять утра. Позавтракав, лег спать. Вечером я с детьми гуляла по городу. Потом уложила их спать, а мы с мужем смотрели телевизор. В десять часов тридцать минут он ушел на смену, так и не досмотрев фильма.

Никаких особых предчувствий у меня не было. Хотя все же что-то было: мне очень хотелось почему-то выйти на балкон и позвать мужа, но удержала себя. Когда ночью случилась авария, и произошел взрыв, я проснулась. Это было в половине второго. Слышала грохот, но к окну не подошла. Думала, что на улице гроза, и опять легла спать. Утром с детьми ждали папу к завтраку. В десятом часу пришел мой брат (он тоже работал на станции) и сказал: "Произошла авария". А я ему говорю: "Хотя бы нашего отца беда миновала". Тогда я еще не особо волновалась.

Часов в одиннадцать к нам зашел знакомый из соседнего дома и сказал, что Толя обжег руку, ну "хватанул", как у нас было принято говорить об облучении. Я начала догадываться о большем и, собрав детей, заспешила в больницу. По дороге увидела, что машины моют улицы. Значит, был выброс..."

Ведущий: 25 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС готовились остановить четвертый энергоблок на планово-предупредительный ремонт. В это время по утвержденной главным инженером Фоминым программе

предполагалось произвести испытания. Был выбран катастрофический путь - испытания проводились при работающем реакторе. Помимо того, что в программе не были предусмотрены дополнительные меры безопасности, предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора. Это означало, что в течение всего намеченного срока испытаний, около четырех часов, безопасность реактора окажется существенно сниженной. Что станет одной из грубейших ошибок, приведших к катастрофе.

Атомный энергетик и писатель Григорий Медведев восстановил события той роковой ночи, глубоко проанализировав истоки и причины катастрофы:

Чтец: "Олег Генрих и Анатолий Кургуз сидели в своем рабочем помещении после осмотра центрального зала и ждали задания на смену. Примерно за четыре минуты до взрыва Олег вышел в соседнюю комнатушку. Анатолий сел за рабочий стол и внес запись в оперативный журнал. Его отделяли от центрального зала три открытые двери. Когда взорвался атомный реактор, высокорадиоактивный пар с топливом хлынул в помещение, где сидел Кургуз. В кромешном огненном аду он бросился к двери, чтобы закрыть ее. И закрыл. Крикнул Генриху: "Очень жжет! Очень жжет!" Кургуз вполз в комнату к Генриху, и они оба легли на пол. "Здесь хоть можно было дышать. Не так жгло легкие",- вспоминал впоследствии Генрих.

Они подождали минуты три. Жар стал спадать (над головой открылось небо). Потом вышли в коридор. У Кургуза сварило кожу на лице и руках. Она висела лоскутьями. С лица и рук сильно шла кровь. По пути к блочному щиту управления к Генриху и Кургузу присоединились операторы газового корпуса Симеконов и Симоненко. В их сопровождении они направились вниз. Кургузу было очень плохо. Он истекал кровью. Ему трудно было помогать. Кожа под одеждой вздулась пузырями. Любое прикосновение причиняло нестерпимую боль. Откуда он еще брал силы идти своими ногами? Генриха обожгло меньше - спасла глухая комнатенка. Но оба "схватили" по шестьсот рентген...

До здравпункта - метров четыреста-пятьсот.- Сможешь дойти, Толя? - спросили ребята Кургуза.- Не знаю... Нет, наверное... Все тело болит... Все болит...

Ведущий: Бывший моряк, Анатолий знал, что, если горит трюм, его надо отсекать. Он вошел в радиоактивный пар и закрыл тяжелую герметическую дверь. Потом, облученный и обожженный огнем и радиацией, вывел из горящего ада своих товарищей.

Из письма Олега Генриха, бывшего оператора центрального зала четвертого блока, 1988 год:

Чтец: « Взрыв застал меня и Толю в операторской центрального зала. Мы оказались в нескольких метрах от эпицентра. Нас разделяла одна стена. Можно представить себе наше состояние, когда все вокруг стало рушиться, погружаться в темноту, когда отовсюду рвались горячий пар и кипяток. В этой

обстановке Толя среагировал быстрее меня. Он первым сообразил, что нужно делать, и сделал все возможное, чтобы мы могли оттуда выбраться.

За два прошедших года я не раз вспоминал те страшные минуты. Анатолий Кургуз не только мне спас жизнь, он и других вывел из блока в безопасное место. И уже там, когда начал терять сознание, мы увидели, как обожжен наш комсорг, каких сил это все ему стоило...

Анатолия отправили в Москву самолетом с первой партией самых тяжелобольных. И даже среди них у него было наихудшее состояние. Из рассказов Анатолия мы знали, что он очень привязан к Брянщине, часто тоскует по своим Красновичам. Он даже в бреду вспоминал свое село. Он был очень мужественным человеком и за свою жизнь боролся до конца.

На похоронах ближе, чем на десять метров, к могиле их не пустили. Хоронили Толю в запаянном цинковом гробу люди в масках и белых одеждах».

Ведущий: Могилы двадцати шести пожарных и атомных операторов, первыми принявших на себя удар ядерной стихии, на Митинском кладбище в нескольких десятках метров от входа, налево. Они боролись вместе и лежат вместе. В. Правик, В. Кибенок, Н. Ващук, Н. Игнатенко, Н. Титенок, В. Тишура, А. Кургуз, В. Лопатюк...

В Красновичах все Толю знают и помнят. Воспитанный на подвигах, обыкновенный деревенский парень в минуты испытания и совершил подвиг.

Произошедшее жестоко напомнило, что люди только осваиваются с теми фантастическими могучими силами, которые сами же вызвали к жизни. Но и спасли нас от катастрофических последствий не новейшая техника и технология, а мужество и героизм нескольких людей.

Пройдут годы и десятилетия, а черный день этой трагедии все равно будет волновать людей – и тех, кого он не обошел стороной, и тех, кто родится далеко от того места. Этот день всегда будет объединять всех живущих одним воспоминанием, одной печалью, одной надеждой.

Чтец: *Горел не блок, горел порок!*
Итог премноголетней фальши,
Что возводилось в абсолют.
А наша боль, утраты наши,
Наш полуподвиг, полутруд-
Суровый счет, вердикт, расплата
За эти годы, ложь и фальш,
За повсеместный камуфляж…
Горел не блок, пожар – итог
Эпохи лжи.
Продукт распада премноголетнего вранья…
Лежат на Митинском ребята,
Что верили всему, как я,
Как ты, как он, как все мы вместе.
Нам сладок был елейный дым.
Но был пожар, и долгом чести
Вдруг стало – сердцем молодым
Закрыть дремавшую державу,
В нас болью совесть пробудив!
В который раз посмертно славу
И скорбный строй седых могил
Во искупление ошибок
Ты сыновьям дала, страна!
Над полем горя вечер Зыбок.
Карает душу тишина…
Горел не блок!
Не только блок:
Пожар – урок,
Урок жестокий!
Не дай нам Бог таких уроков! Не дай нам Бог таких эпох!

Разработка сценария – отдел обслуживания ЦГБ им .П.Л.Проскурина

Работа над слайдами – зав. МКО Колосова Ольга Владимировна